

Раньше я думал, что написать воспоминания не так уж и трудно. Мне казалось, что это просто и естественно – делиться впечатлениями, рассказывать о событиях, интересных встречах, поездках. Поэтому с первого момента, как только мне сообщили о предстоящей поездке в далекую Японию, я сразу же начал представлять, сколько новых мыслей и впечатлений смогу привезти оттуда. Мне почему-то казалось, что моим рассказам не будет конца, а мысль найдет столько для себя материала, что еще несколько недель, а то и месяцев сможет черпать вдохновение из воспоминаний о поездке...

Но по возвращении домой меня ожидало разочарование. На все вопросы я отвечал кратко, а когда пытался что-то рассказать, то вдруг понимал, что передать то, что хочу, просто не могу: не знаю словесной формы, боюсь встретить в глазах собеседника равнодушие или непонимание. Какова причина этого, я не знаю до сих пор. Возможно, есть вещи, о которых лучше всего расскажет молчание, которые люди должны сами в тебе увидеть, проникнуться этим, и тогда только ты сможешь им доверить пережитое. Я не знаю... Но вот теперь, когда прошло уже почти полгода, вдруг совершенно неожиданно мне захотелось поделиться пережитым в этом удивительном путешествии к месту подвига одного из самых выдающихся миссионеров Православной Церкви – равноапостольного Николая Японского.

Из Москвы лететь в Токио очень удобно: прямой рейс из «Шереметьево» доставит вас в самое сердце «Страны восходящего солнца» – токийский аэропорт «Нарита». Для иностранцев, правда, путаница начинается уже с этого слова: постоянно хочется поставить на каком-то слого ударение – и выходит не совсем ясно: то ли «На'рита», то ли «Нари'та»... Но оказывается, всё гораздо проще: в японском языке нет нашего ударения, и все слоги в этом слове произносятся ровно, каждый ударный: НА-РИ-ТА. Для нас непонятно, мы привыкли во всем видеть ясную четкость и определенность. Но в Японии мир устроен по-другому: ты должен иметь стержень внутренний, должен опираться на определенность внутри себя, а не искать ее в чьих-то указаниях или советах – извне всё звучит ровно и однообразно, каждая дорога открыта, но у тебя должен быть свой сокровенный путь в сердце. Наверное, поэтому 100 лет назад Православие японцы называли «верой Николая», ибо святитель проповедовал Евангелие на понятном для них языке – языке сердца. То же самое и с наименованием Воскресенского собора города Токио. Для японцев он по-прежнему «Николай-до», «храм Николая». Интересно, что это словосочетание созвучно другому «до» – «путь Николая». Действительно, весь подвиг просветителя Японии убеждает в том, что самая наглядная проповедь – это жизнь по Евангелию, которое люди смогут прочитать в твоих глазах, к которому они смогут прийти, следуя твоим путем...

Что думает человек, когда он летит в центр мировых технологий и современных научных достижений? Раньше, когда я представлял себе Японию, то сразу же воображение рисовало картинку, где на улицах множество роботов, все действия производятся только нажатием кнопки, а люди лишь пользуются предоставленными им возможностями комфортной жизни. Тем более Токио, аэропорт – место, где технологий должно быть уж точно предостаточно. Девятичасовой перелет. Наконец посадка... Прошли миграционный контроль, забрали вещи... Но где же роботы? Здесь только люди! Обычные люди с бумажными записными книжечками, с растерянным видом, когда они не могут понять иностранца или не знают, чем ему помочь... Но всё-таки есть у этих людей нечто необычное – их отношение к работе. Вот старый мужчина – дедушка, я бы сказал, – который складывает вещи в багажное отделение автобуса. Жалко смотреть... Дай, думаю, помогу... Но нет, реакция совсем необычная! Из его жестов и по выражению лица я понял, что это только его работа, он сам всё сделает, беспокоиться не стоит. А еще у него, что, впрочем, свойственно и другим японцам, был такой вид, словно он делает самую важную работу в мире, как будто ничего другого, что бы смогло отвлечь его, нет и быть не может. Мне показалось это даже забавным: детская непосредственность и наивность, выраженные в абсолютной самоотверженности и самоотдаче. Забавно, но поразительно! Тогда я понял: вот они, настоящие японские роботы!..

Вообще за всё время пребывания в Японии я, вопреки ожиданиям, не заметил ничего такого в технологиях, устройстве быта, что бы кардинально отличало нас от них. Конечно, это сравнение касается скорее наших центров – Москвы, Киева, Санкт-Петербурга, но всё же... Отличие скорее в способе организации, в подходе, а не в технологических возможностях. Да, там они, конечно же, немножко лучше, но и у японцев нет никакого философского камня, который бы давал им несравненное преимущество. Даже наоборот – ресурсов у них мало. Наблюдая всё это, мне показалось, что разница в одном: в Японии люди больше хотят жить в аккуратном, вежливом, комфортном обществе. Они осознают ответственность каждого за сохранение общего. Нас отличает только решительность: они хотят и живут в нормальном мире, честно и вежливо; мы – списываем всё на власть, страну, людей – и сами себя раздражаем. Мне сразу же припомнилась мысль, высказанная преподобным Серафимом Саровским: «Праведник отличается от грешника только решимостью». Всё оказалось так просто: не роботы, не ресурсы, а желание, честь и решимость человека – вот что Японию сделало Японией!..

Японцы могут хорошо организовать небольшое пространство, в русских же размерах они теряются. Поэтому у них все маленькое и опрятное – домики, участки, клумбы на тротуарах, да и они сами. К этому приучают и внешние условия: на острове не так уж и много хорошей земли, приходится всё использовать разумно.

Наверное, более всего для нас, европейцев, непонятна японская культура общения. Ты не можешь просто так, исходя из личных соображений, ответить человеку: «Нет!» Ты обязан исходить лишь из тех вариантов, которые тебе предоставил собеседник. Если он спросил: «Ты пойдешь со мной гулять?» – то отказать ты можешь лишь вежливой формулой неопределенности: «Чотто...» – это значит: «Не сейчас, попозже...» Однако и собеседник обязан следить за настроением человека, к которому он обращается, и если он видит, что другому, может быть, не совсем удобно исполнить его прошение, то в своем вопросе он сам должен предложить возможность отказа. Для меня эта манера общения стала совершенным открытием. Ведь здесь всё построено не на стремлении высказаться, выдать нечто свое, а на желании услышать собеседника, действительно проникнуться его мыслями и переживаниями. Это ведь самый христианский разговор: в нем люди не смотрят друг на друга, а смотрят на общую цель глазами ближнего, сопереживают и стремятся к единомыслию.

После недели путешествий по стопам равноапостольного Николая наконец снова Токио... Казалось бы, что может удивить после дня, проведенного в этом центре новейших технологий и разнообразных достижений современной цивилизации! Ведь это на самом деле поражает: ты гуляешь по улице, где растут деревья, кусты, есть магазины, площадки, но вдруг оказывается, что ты находишься на уровне третьего этажа, а внизу – дороги, тротуары, такие же магазины, люди, транспорт...

Но подходит время воскресной всенощной в «Николай-до». Света минимум: только в алтаре и на клиросе горят электрические лампочки, в храме же всё освещают свечи. Удивительная тишина и спокойствие, с которыми ты, кажется, впервые сталкиваешься в этой живой и захватывающей стране. Умилительное пение. Поражает не столько его звучание, сколько настроение – покаянно-трогательное, однако без лишней душевности, без эмоций. В храме всё строго, но не отталкивающе: строгость не в атмосфере, не в требовательности к тебе, а в самих людях – в священнослужителях, певцах, прихожанах – их поставе, настроении, благоговейной сдержанности. От тебя же ничего не требуют, даже взглядом никто не осуждает за несоответствующий вид, незнание всех традиций и правил здешнего прихода. Тебя просто вдохновляют собственным примером, так что, созерцая благоговейный настрой этих людей, ты и сам приводишь себя к такой же сдержанности и трепету перед святыней.

Здесь особенно четко переживается грань: за порогом храма мир совершенно другой, и он должен остаться там, ты не должен вносить его сюда, здесь он лишний, ненужный. И действительно, когда ты стоишь на службе, поражаясь ее стройностью, совершенным отсутствием суеты, разговоров, то приходит на мысль одно: эти люди знают, для чего

они пришли сюда. В этот момент я подумал: наверное, стоило преодолеть тысячи километров, чтобы здесь понять, что такое святость храма! Ведь святость – это отделенность (от еврейского «кадош» – «отделенный»). Святой – значит выведенный из обыденного употребления, посвященный иному миру, напоминающий о небе. На родине этого ты не ощущаешь так явно, поскольку храм для тебя является чем-то привычным, вполне естественно вписанным в общественную жизнь. Здесь же, в Японии, грань слишком ощутима, чтобы ее не замечать. Поэтому, войдя в храм, ты забываешь о толерантности и компромиссах, ты понимаешь, что здесь происходит нечто иное, чем извне. Ты оказываешься перед конкретным выбором: какую реальность признать истинной, что избрать? Если последняя реальность там, за порогом, тогда здесь люди просто иногда отдыхают, кто-то находит вдохновение, кто-то понимание, но не больше, ничего существенного. Если же я признаю, что Бог реально есть и Он всё содержит, к Нему всё приходит, в Нем должно видеть конечную цель, тогда мир за порогом теряет свою привлекательность. Ты просто понимаешь: всё, что находится там, – привлекательно, заманчиво, красиво, но... мимолетно. И что мне с этих удивительных небоскребов, что с прекрасных садов, вежливого обращения, идеальной чистоты?! Я только странник, я пришел и уйду, не взяв с собою абсолютно ничего. Что мне до всего этого?..

Можно еще много написать об этом путешествии, которое милостью Божией и предстательством равноапостольного Николая стало для меня действительно духовным, исполненным многих смыслов и переживаний. И сейчас в моем сердце всё пережитое там остается поразительно живым. Однако у всего есть своя мера, и у воспоминаний тоже. Скажу, пожалуй, лишь еще об одном... Заканчивалось всё на борту самолета, которым мы следовали из Токио в Москву. Я с самого начала подозревал, что эта поездка кроме впечатлений принесет и свои обязательства. И этого боялся, пожалуй, больше всего – что мне будут настойчиво рекомендовать свою научную деятельность посвятить изучению наследия равноапостольного Николая Японского. А я ведь уже полгода думал о другой теме, столько сил и времени потратил на нее, так сроднился с ней, что отказаться было очень трудно. И до последнего момента в своем сердце я это переживал, настраивался на отпор. Но вдруг я понял, что ничего случайного не бывает, что в мою жизнь кто-то стучится, он мне столько показал, столько помог осознать, однако я закрылся со своей идеей, своими планами и отказываюсь прислушиваться к чему-то другому, кроме голоса своего «я»... Как же всё премудро устроено: оказывается, чтоб полюбить, чтоб впустить кого-то в свое сердце, нужно не стараться найти в нем что-то привлекательное или симпатичное для тебя. Стоит просто выбросить из сердца всё, что ты считаешь исключительно своим, самость, которая мешает тебе принять дар другого, услышать, встретить его...

Роман Савчук

25 сентября 2013 года

[widgetkit id=190]